

Портрет на столе

Глава из книги «Поиски вчерашнего дня» (в сокращении)

На март 2018 года пришлись сразу две памятные даты: мы почтили память отца Сергея Беляева – последнего настоятеля храма Рождества Христова до его закрытия в 1937 году. Отец Сергей родился 1 марта 1888 года, то есть 140 лет назад, накануне революции стал священником и не отступился от проповедования Слова Божия до самого конца. В ноябре 1937 года его арестовали по ложному доносу и приговорили к десяти годам заключения за антисоветскую агитацию, а 75 лет назад, 13 марта 1943 года, как указано в архивной карточке, отпустили. Одну из глав своей новой книги «Поиски вчерашнего дня» я посвятил именно отцу Сергею Беляеву...

В худых, заплатахных бушлатах,
В сугробах на краю страны –
Здесь было мало виноватых,
Здесь было больше без вины.
Анатолий Жигулин

Дореволюционные портреты, они словно окна в прошлое. В них нет нынешнего цвета, вольности и небрежности. Их простоте и тихому благородству стоило бы поучиться.

Один из таких портретов с недавнего времени украшает мой стол. Точно такой же портрет в рамке стоит и на столе в кабинете директора школы «Рождество» Валерии Феликсовны Шварц. И это не случайное совпадение.

«На этой фотографии, – писали об этом портрете семиклассники школы «Рождество» на уроке русского языка, – запечатлён серьёзный, уверенный в себе молодой человек. Он учится в семинарии или только что окончил её: об этом говорит его форма. У него открытый лоб, светлые волосы аккуратно зачёсаны назад. Нос с легкой горбинкой, глаза тёмные, как бы в тени. Брови немного приподняты вверх. Губы сложены очень спокойно, не напряжены. Он не смотрит в камеру: взгляд устремлён в сторону».

На снимке – выпускник Вифанской духовной семинарии 1913 года Сергей Беляев.

Именно он – последний настоятель храма Рождества Христова в селе Рождествено до его закрытия в 1937 году.

Но обо всём по порядку.

С началом восстановления храма в Рождествено по крупицам начала складываться и история поруганной святыни. Старожилы рассказывали о том, что помнили и видели сами, что до войны в храме служил протоиерей Александр Стогов. Затем его арестовали и сослали на поселение, а когда он вернулся в село, то уже не священствовал.

Долгое время считалось, что он и был последним настоятелем храма до его закрытия, пока в 2005 году в Рождествено не приехала Зинаида Сергеевна Беляева – младшая дочь отца Сергея.

Сергей Иванович Беляев родился 1 марта 1888 года в селе Пески Можайского уезда Московской губернии в семье Ивана Григорьевича и Агриппины Ивановны. Отец служил псаломщиком в церкви Сретения Господня в этом же селе. В семье родилось девять сыновей. Трое умерли в раннем возрасте, а остальные стали священниками, начиная со старшего Георгия и заканчивая Сергеем.

Как и ранее старшие братья, в 1903 году Сергей Беляев окончил Волоколамское духовное училище, а в 1913 году – Вифанскую духовную

Выпускник семинарии
Сергей Беляев. 1913 год

семинарию. Сначала три года служил псаломщиком в родном селе Пески, а женившись в 1916 году на дочери священника Софье Васильевне, был в том же году рукоположен в иерея и назначен настоятелем храма Воскресения Словущего в селе Кочергино Дмитровского уезда.

Судьба развела братьев Беляевых по разным приходам Московской епархии, но они не потеряли добрых братских отношений.

В Кочергине в молодой семье Беляевых в 1917 году родился сын Евгений, а год спустя – дочь Елизавета. Младшая дочь Зинаида появилась на свет в 1928 году, когда отец Сергей уже был переведён в храм Архангела Михаила в селе Михайловское Можайского уезда.

Как служитель религиозного культа, после революции отец Сергей лишился не только избирательных прав, но и дома со всем хозяйством. И всё же, несмотря на начавшиеся притеснения и гонения, дела своего не оставлял.

В 1932 году священника Сергея Беляева перевели в село Рождествено. О своём жильё и речи не шло, жить пришлось в церковной сторожке в ограде сельского храма.

Зинаида Сергеевна вспоминала, что отец специально вставал затемно, чтобы помочь жене в работах по дому, огороду, хозяйству, а затем шёл служить в храм: «Жизнь наша протекала тихо и спокойно. Папа служил в церкви, мама помогала ему. Папа был глубоко верующим человеком, добрым, сердечным. Его любили и уважали прихожане, шли к нему, и с радостью, и с горем, и с нуждой. Для всех он находил слова утешения, а иным и помогал, чем мог».

Наступили страшные времена.

Девятилетняя дочь отца Сергея Зинаида на всю жизнь запомнила ту ночь 27 ноября 1937 года: «Вдруг раздался страшный стук в дверь. Я проснулась и очень испугалась. В комнату вошли три человека. Один был в военной форме, двое в штатском. Они ходили по комнате, заглядывали во все углы, что-то искали. Всё пе-

ревернули. Потом папа оделся, попрощался с нами, и они все ушли. Мы с мамой обнялись и долго плакали. Лиза тогда была в Москве».

Маховик сталинских репрессий по классической схеме двух лжесвидетелей за несколько дней намотал и отца Сергея, превратив сельского батюшку в злейшего врага советской власти.

Пятьдесят восьмая статья...

В ту же ночь ареста священник был допрошен начальником Истринского отделения НКВД.

Виновным себя отец Сергей не признал и все свидетельства против себя отрицал. О том, что дело сфабриковано, уверен, в тот момент знали и Беляев, и допрашивавший его сержант. Но ни тот, ни другой в ту ночь уже ничего не

могли изменить. Один исполнил вышестоящий приказ, а второй остался человеком с глубокой верой в сердце, не пойдя на поводу НКВД.

Дальше всё решала тройка!

Обвинительное заключение по делу отца Сергея подписал 3 декабря 1937 года заместитель начальника областного управления НКВД.

Читал ли он вообще дело священника?

Отец Сергей в то время уже сидел в Таганской тюрьме в Москве.

Забегая вперед, скажу, что в 1940 году отец Сергей пытался изменить решение тройки, но

его прошение в органах НКВД приказано было оставить без рассмотрения. К тому времени волна репрессий не пощадила и людей, вынесших приговор священнику Беляеву.

Скорость вынесения приговора выдаёт чудовищные темпы вращения «красного колеса» государственной машины репрессий. Без суда и следствия, всего лишь на основании ложных показаний одного человека и молчаливого согласия с ним другого, без каких-либо вещественных доказательств, Сергея Ивановича осудили на десять лет исправительно-трудовых лагерей.

Из Таганской тюрьмы священника отправили по этапу на Дальний Восток, конечным пунктом стал город Бикин Хабаровского края, 16-е от-

*Храм Сретения Господня
в селе Пески. 2017 год*

деление Байкало-Амурского лагеря (Бамлага). Это был один из самых крупных в стране исправительно-трудовых лагерей, созданный в 1932 году с целью строительства Байкало-Амурской железнодорожной магистрали.

Заключённые в Бушуйском ОЛП. Середина 1930-х годов

Заключённые строили Байкало-Амурскую железную дорогу в невероятно трудных географических и климатических условиях. Они прокладывали рельсы через неосвоенные территории Дальнего Востока – горы, реки, болота, преодолевая скалы, вечную мерзлоту, высокую влажность грунта, заготавливали лес для строящейся дороги. Основные инструменты – тачка, лопата, кайло и носилки.

В январе 1938 года отец Сергей Беляев стал одним из двухсот тысяч бесплатных строителей, разделённых на отделения и фаланги, работавших за самое дорогое в лагерной жизни – за пайки.

Заключённые работали круглый год и в любую погоду. Когда строительство не укладывалось в сроки, администрация лагеря немедленно увеличивала рабочий день: шестнадцать, а то и восемнадцать часов в сутки. Не успевали обсыхать. В лагерных бараках свирепствовала малярия, простуда, ревматизм, желудочные заболевания.

Что выпало на долю отца Сергея? Лопата? Тачка? А может, кайло?

Видимо, этого уже не узнать.

Управление Бамлага, сборный пункт, пересыльная тюрьма, где сортировали этапные эшелоны и направляли по другим лагерным подразделениям, расположились в городе Свободный. Словно насмешка: свобода и концлагерь в одном месте.

Из расформированного Бамлага Сергея Ивановича в 1938 году перевели сначала в отделение Амурского лагеря, затем в отделение Юго-Восточного лагеря, а перед самой войной, в мае 1941 года, из Нижнеамурского лагеря отправили в Желунский совхоз, входивший в состав Свободненского исправительно-трудового лагеря (ИТЛ).

Свободненский ИТЛ был организован секретным приказом НКВД №043 от 30 января 1941 года на базе

лагерных подразделений Амурлага в целях «рационального размещения активированных инвалидов» из лагерей Дальнего Востока, то есть именно сюда направляли тех, кто, по заключению врачей, не мог работать на строительстве.

Перевод на более легкую работу говорил об одном – физических сил укладывать рельсы со шпалами или валить лес перед укладкой у 53-летнего отца Сергея Беляева уже не было.

Невыносимые условия труда и постоянный голод сделали своё дело!

Но и на сельскохозяйственных работах в совхозе он задержался лишь на полтора года. В декабре 1942 года его отправили в Бушуйский отдельный лагерный пункт (ОЛП), или просто в Бушуйку, как ещё называли это место.

Это было начало конца.

В середине 1930-х годов Бушуйка стала подразделением Бамлага, в ней собирали «неполноценный рабочий контин-

Памятный крест на месте Бушуйского ОЛП. 2016 год

гент»: слабосильных, инвалидов и хронически больных заключённых.

Туда, на самом деле, отправляли умирать.

Поиском сведений о судьбе последнего настоятеля храма Рождества Христова я занимаюсь уже несколько лет.

Сохранившееся в архиве следственное дело отца Сергея заканчивалось выпиской из протокола решения тройки. И чтобы найти хотя бы место отбывания наказания, пришлось отослать 160 бумажных писем с официальными обращениями во все информационные центры МВД и региональные архивы. Через три года поисков следы осуждённого священника нашлись в Амурской области и Хабаровском крае.

А дальше снова тупик!

В справке значилось: «13 марта 1943 года освобождён и убыл в Свердловскую область. Сведениями о дальнейшей судьбе не располагаем».

Свиданий «контрреволюционерам», то есть осуждённым по пятьдесят восьмой статье, не полагалось, они могли выйти, как тогда говорили, «только на свидание со смертью». Именно такое «свидание» и выпало на долю отца Сергея Беляева.

Ни в Московскую область к семье, ни даже в Свердловскую, он так и не добрался. Я попытался было отыскать запись о смерти через отделы ЗАГС от Благовещенска до Екатеринбурга, но тщетно.

Я уверен, что отца Сергея отпустили домой не по доброй воле лагерного начальства, а именно умирать, чтобы койку и пайку для других можно было освободить...

Работать он уже не мог, значит, стране стал не нужен!

Кроме отца Сергея, два его старших брата – Николай и Алексей – также были осуждены, сосланы в лагерь, где и скончались.

После ареста отца Сергея его семье пришлось нелегко без кормильца. Софья Васильевна с трудом устроилась работать посудомойкой в

Москве, при том, что имела основательное гимназическое образование и профессию учителя начальных классов. Но жене врага народа, конечно же, не доверили бы воспитание советских детей. По той же самой причине старшую дочь Беляевых Елизавету с позором исключили из медицинского училища, пришлось идти работать. Лишь младшей дочери Зинаиде удалось получить педагогическое образование.

После смерти Сталина обстановка в стране изменилась. Но лишь в 1966 году Софья Васильевна подала прошение о реабилитации супруга. «Прошу Вас разобраться и реабилитировать моего мужа, – обращалась Беляева к генеральному прокурору СССР, – и, если можно, снять судимость. Мне уже 73 года, перед смертью прошу убедительно убрать с меня это пятно».

Эта жалоба возымела действие, и дело за отсутствием состава преступления прекратили. Президиумом Московского областного суда было признано, что «указанные свидетелями факты являются бытовым разговором и не образуют состава государственного преступления».

На память об отце Сергии осталось только три ещё до революционных фотоснимка, остальные семейные фотографии, в первую очередь в священническом облачении,

были уничтожены во избежание неприятностей в годы репрессий. Помимо портрета семинариста Сергея Беляева сохранились два свадебных снимка четы Беляевых.

И кажется, на одной из этих фотографии отразилась их судьба. Оригинал фотографии имеет потрепанный вид, весь в царапинах, а посередине, точно между Софьей Васильевной и Сергеем Ивановичем, разорван и затем склеен. Этот снимок будто символизирует их жизнь, изрядно потрёпанную и изломанную, исцарапанную когтистыми лапами безбожной власти, но не сломенную и состоявшуюся, их разлуку земную и встречу небесную, уже навсегда.

Сергей Иванович и Софья Васильевна Беляевы. 1916 год